

Глава 2

Казанское «сиротство»

1

После ареста Евгении Семёновны и Павла Васильевича Василии, которому не было и пяти лет, поначалу оказался сиротой при живых родителях.

В день пятилетия его забрала из дома уполномоченная НКВД. Сперва мальчика отправили в распределительный центр, а затем – в костромской сиротский дом для детей «врагов народа», что был устроен в старинном монастыре, – кое-где на стенах сквозь побелку ещё проступали замазанные росписи....

Это (как и дальнейшее вызволение Васи) было сделано в соответствии с приказом главы НКВД Николая Ежова за номером 00486 от 15 августа 1937 года «Об операции по репрессированию жён и детей изменников Родины», где имеются следующие пункты:

«Размещение детей осуждённых. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать: <...> б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет – в детских домах Наркомпросов других республик, краёв и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов.

В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально. Грудные дети направляются вместе с... матерями в лагеря, откуда по достижении возраста 1–1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик. Если сирот пожелают взять родственники (не репресслируемые) на своё полное иждивение, этому не препятствовать.

Подготовка к приёму и распределению детей. В каждом городе, в котором производится операция, специально оборудуются приёмно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста

их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам».

* * *

По сведениям правозащитных организаций, по состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей отобрали 17 355 детей и намеревались отобрать ещё 5000.

«Это было как арест, – вспоминал писатель в интервью Сергею Мирову. – Они, вероятно, увезли бы меня навсегда из Казани. Меня отправили в Кострому, где я был совершенно одинок. Это было что-то ужасное... полный, чудовищный отрыв от прежней жизни. Колоссальный стресс.

И вдруг там появился, как показалось, мой папа. Это был его брат... родной, младший. Я к нему бросился, крича: «Папа, папа!..» Он добился разрешения взять ребенка.

Кто знает, какая судьба ждала бы малыша, если бы не это чудесное избавление. В январе 1938 года брат Павла Васильевича Адриан, сам переживший гонения как «родственник врага народа», проявил и милосердие, и мужество.

Тогда, исключённый из партии и изгнанный с преподавательской работы, Адриан, как и многие подобные ему, поехал за правдой в Москву. Правды он там не нашёл. Но, в отличие от многих людей, отрёкшихся от своих близких, он в маете бюрократического ужаса, будучи, можно считать, на пороге тюрьмы (который ему, к счастью, так и не пришлось переступить), продаёт часы, на вырученные деньги едет в Кострому и там находит и спасает Василия. На этом настояла его старшая сестра – Ксения Васильевна Аксёнова, убедившая Адриана оформить и опеку над ребёнком, которое вскорости было переведено на неё.

Как много говорит о крайне непростой личной ситуации Адриана пояснительная часть его прошения о возвращении Васи в семью: «О себе сообщаю следующее. <...> ЦК ВКП(б) командировал меня в г. Сталинабад (Таджикистан) на подработку... в Таджикском и вечернем пединститутах и в 9–10 классах средней школы в качестве преподавателя истории народов СССР и новой истории. 1-го июля (1937 г. Д.П.) я приехал к сестре в Казань, где имел в виду провести свой отпуск. 3 и 4-го июля мне пришлось встретиться с П. Аксёновым. Он был тогда членом партии и работал на стройке гортеатра. 7-го июля, после постановления Президиума ВЦИК о предании суду П.Аксёнова, последнего арестовали.

Я вернулся в Сталинабад. 19 августа сообщил секретарю парткома т. Назарову и члену парткома т. Кульчину о том, что мой брат и его жена репрессированы. Это заявление послужило причиной моего исключения из партии... <...> 8 сентября последовал приказ директора института о снятии меня с преподавательской работы. <...>

Я 14 лет работал преподавателем истории. Никогда не имел взысканий за свою работу... С братом с 1934 г. абсолютно никакой связи не имел... За его преступные действия, о которых ничего не знаю, кроме газетного материала, я несправедливо несу бездушное надругательство. Вот, кажется, и всё.

А. Аксёнов (подпись)».

Тем временем в десятки специализированных детских учреждений Поволжья и всей страны нескончаемым потоком поступали едва одетые, голодные, испуганные дети «врагов народа». В плохо подготовленной системе царила бешеная неразбериха. В грудях папок, входящих и исходящих бумаг нередко терялись сопроводительные документы, а вместе с ними и дети. Об этом мало пеклись – подумаешь, «отродья врагов»! – случалось, меняли имена и фамилии... Но и в этой злой белиберде упорный Адриан Аксёнов находит маленького Васю.

Вот заявление, поданное им в органы, – удивительное сочетание страшного казённого языка страшной казённой бумаги (одна только первая фраза чего стоит!) с живой, самоотверженной, любовной мольбой о едва ли когда-либо прежде виденном, но таком родном мальчишке...

*Из заявления А. В. Аксёнова
в Управление детскими домами
НКВД ТАССР
28 января [19]38 г.*

Я – брат врага народа П. В. Аксёнова, находящегося в настоящее время в Казанской тюрьме № 2.

У П.Аксёнова был сын Василий Павлович Аксёнов – пятилетний мальчик, которого 20 августа 1937 г. органы НКВД взяли и распределили в детский распределитель НКВД. В настоящее время мальчик находится в одном из детских домов Костромского района. Вот я и хочу просить вашего распоряжения о том, чтобы мне дали разрешение взять на себя заботу и воспитание моего племянника Васи. Тем более что в настоящее время органы НКВД возвращают детей репрессированных родителей на содержание их родственникам. Заверяю вас, что Васильку будет у меня неплохо, ибо я педагог, люблю детей вообще, а его в особенности. Следовательно, я имею законные основания вернуть его к себе. Я обязуюсь обеспечить его всем необходимым, посвятить свою жизнь его образованию и коммунистическому воспитанию. <...>

Я прошу вас разрешить Васильку жить в Казани у моей сестры Ксении Аксёновой и моей матери Евдокии Аксёновой, которым я буду посылать средства для существования. <...> Это как временное мероприятие до моего устройства. Как только я устроюсь, Вася переедет ко мне.

Ещё раз убедительно прошу вас, верните мне моего племянника. Он будет счастлив. Я люблю его как своего сына.

А. Аксёнов (подпись)».

Насколько убедили чекистов просьбы брата «врага народа» о возвращении сына «врага народа», сказать трудно. Однако Васю дяде отдают. И Адриан Васильевич привозит мальчика в Казань к своей сестре – Васиной тётке Ксении – в большую семью Котельниковых-Аксёновых, в которой имелись и свои маленькие дети. Забота о них обо всех достаётся тётке Ксении и бабуле Дуне – чудесным женщинам, существованию которых на свете вечно радуется Россия.

А в это время Васиных бабушку и деда со стороны матери – Ребекку и Соломона – допрашивают в НКВД.

«Деда забили там, – вспоминает Аксёнов. – У него открылась чахотка. А бабушку привезли и в какую-то швырнули комнату... Она называлась «Попова гора», я это помню.

И тётя Ксения по просьбе бабушки отдала меня туда. Ребекка ничего не могла делать, была в полной прострации... Тётя Ксения ей помогала, мыла полы, готовила еду. А я кричал, что хочу домой, на Карла Марла...».

Этот дом с мезонином на углу улиц Карла Маркса и Комлева (сейчас – Муштари), стоял прямо напротив бывшего губернаторского дворца, где в ту пору был туберкулёзный диспансер, а нынче Музей изобразительных искусств.

Когда-то – в середине XIX века он был сердцем городской усадьбы, простиравшейся на всю ширину квартала между улицами Грузинской и Большой Красной. Говорят, что когда-то сюда заезжал дружный с его тогдашними хозяевами поэт Евгений Баратынский, в свои приезды в Казань квартировавший по соседству – у своего тестя генерала Льва Энгельгардта. Ещё говорят, что здесь родилась девочка Лена, в будущем знаменитая Галя – жена и муза Сальвадора Дали. Но это вряд ли... А что известно доподлинно, так это то, что в 1888 году несколько дней в этом доме жила мать Владимира Ульянова, приехавшая в Казань в поисках места жительства после завершения шушенской ссылки сына...

Теперь здесь – в доме, выстроенном заново, – музей писателя Аксёнова. А в нём – реконструированная комната, где он прожил десять лет – с 1937-го по 1947 год...

* * *

Беззаветно любившая внука, но до крайности измученная бабушка со стороны мамы, жившая в комнатухе на улице Лобачевского с другим своим внуком Димой – сыном сестры Евгении Гинзбург, – вновь передаёт Василия тётке Ксении. В огромную семью, огромную коммуналку, огромный двор с огромным тополем в углу, с берёзовой аллежкой, липами и вербой, в огромные анфилады проходных дворов и подъездов... где «тучи детей всевозможных», снующих туда и сюда. А с ними Вася – бегаёт, играет, шумит... А с ним его племянники, почти одногодки Галя – 1937-го, а вскоре и Алик – 1938 года рождения – дети дочери его тётки Ксении – Матильды и известного казанского комсомольского и партийного деятеля Евгения Котельникова.

Они были очень дружны. Потом Галя станет журналисткой, а Саша – инженером-механиком. Теперь они живут в соседних домах в подмосковной Черноголовке, считают Василия Павловича братом, любят и сердечно оплакивают.

Мы беседовали много часов. Пожалуй, вряд ли найдутся люди, сведения которых об Аксёнове-мальчишке достойны такого же безоговорочного доверия, как полученные от них, хотя сведения из других источников – и очень любопытные, – конечно, есть...

«Я прижился там, – просто скажет потом Аксёнов о доме на Карла Маркса, – и жил до 16 лет. Мне там было хорошо».

2

Он вошёл, в матросском костюмчике и бескозырке, прижимая к себе большого тряпичного слона – подарок дяди Адриана.

Вошёл в дом, где с этого дня по 1948 год в семье Котельниковых – дружной, красивой, интеллигентной, занимавшей в коммуналке комнату, разделённую на три части фанерными перегородками, не достигавшими четырёх с половиной метрового потолка. Здесь жили мама Васиного отца – бабушка Евдокия и его сестра Ксения, дочь Ксении Матильда Андреевна и её муж Евгений Михайлович, их дочь и родившийся вскоре сын, а ещё Вася со старшей сестрой по отцу Майей.

Матильда в то время работала ответственным секретарём газеты «Комсомолец Татарии», а Евгений был заметным комсомольским функционером, так что жили они в сравнительном достатке. Комнаты украшали обширный диван, кресла, этажерки с немалым числом книг, а также патефон с набором пластинок...

В парке Чаир
Распускаются розы,
В парке Чаир
Сотни тысяч кустов.
Снятся твои золотистые косы,
Снятся мне ночь, и весна, и любовь...

Как потом говорил об этой музыке Аксёнов: «Почти пошлятинка, а слёзы наворачиваются...». В семье много читали, было обычаем дарить детям на дни рождения книги.

Однако арест высокопоставленных родственников – Васиных родителей – почти разрушил это благополучие. И Матильду, и Евгения немедленно уволили – родственникам «врага народа» не место среди бойцов идеологического фронта. Жить стало не на что. Пришлось продавать вещи. И прежде всего мягкую мебель – резные кресла с резными же высокими, почти вольтеровскими, спинками... Надо переждать, – говорил Евгений, – всё выяснится и наладится. Но – не налаживалось. На работу нигде не брали. Маячил призрак отчаяния.

Тогда беременная Сашей Матильда взяла за руку трёхлетнюю Галю и пошла в горком партии. На бюро. И,

ворвавшись на заседание, в истерике прокричала: «Убейте меня! Расстреляйте меня лучше! Уже много дней мы живём без работы и без надежды на работу, а сегодня дома нет и куска хлеба! Евгения нигде не принимают... Товарищи, вы же все и меня, и его хорошо знаете! Помогите!..».

Товарищи Матильду и впрямь знали, как и её мужа, и в общем-то не желали им зла. Её успокоили, дали капле, отвели домой, обещали разобраться. И действительно – разобрались: спустя несколько дней она стала редактором на республиканском радио. Вскоре приняли на работу и Евгения, и относительное благополучие как бы восстановилось.

На Карла Маркса стала появляться и бабушка Ребекка – сухонькая, седенькая старушка в аккуратной шапочке из алой «слюды», подходила к окну и не сильно стучала тростью в наличник. Ксения открывала створку, звала: «Заходите, Ребекка Марковна, через подъезд!» Но та отказывалась – просила Васю выйти, интересовалась, не обижают ли его. Кушал ли он?.. И что кушал?.. В войну её забрала к себе в Рыбинск дочь – Наталья Соломоновна.

Прибывший с Васей из Костромы серый игрушечный слон под красным седлом тоже прижился на Карла Маркса. Дети дали ему имя. С ним разыгрывались сценки. У него была даже биография и увлекательная история путешествия из далёкой Африки в Казань, у этого слона.

Сочинил её Вася...

* * *

В 1939-м умер Васин дедушка Соломон, незадолго до ухода писавший дочери в Ярославскую тюрьму: «...чувствую себя неважно. Но буду бороться за жизнь. Она теперь нужна моим дорогим внукам – Алёше и Васе». Но – не удалось: арест, пусть по тем временам и не слишком долгий, подорвал силы пожилого фармацевта...

* * *

Любопытный факт: в мае 2008 года в галерее «Duble M» на улице Дзержинского в Казани открылась выставка художников Ильгизара Хасанова, Рашида Тухватуллина и Вадима Харисова, посвящённая парку «Чёрное озеро», который и донныне воспринимается в городе как синоним НКВД.

Экспозиция рассказывала о советском прошлом этого знакового места. Посетителей встречала инсталляция Хасанова «Здравствуй!»: висящий на старинных плечиках милицейский китель, из правого рукава которого глядела вырезанная из липы кисть руки. Её можно было потрогать, поздороваться. Однако здоровались не все...

«Мы выросли в СССР при «совке», как говорится. Глупо об этом жалеть, глупо этим гордиться. Мы относимся к этому факту с иронией. Даже подписи поставили на «говорящем» экспонате – совке для сбора мусора», – объяснял ситуацию художник Хасанов.

Совок стоял рядом с зелёной советской партией, снабжённой выемками для карандаша, ручки и чернильницы, подставкой для ног и откидной столешницей для размещения учебников в её обширном нутре. На парте – листы бумаги, перьевая ручка и чернильница.

Немало посетителей окунулось в сороковые годы прошлого века, окуная в неё перо... Старательно, почти без клякс, они написали отзывы о выставке, не забывая заметить, что «перьевая ручка – это так неудобно!».

3

Такой-то ручкой с 1940 года скрипел в 19-й школе Вася Аксёнов. В такую стеклянную ёмкость лил лиловые чернила. За такой партией сидел.

Школа считалась элитной. Её директор Иосиф Ильич Малкин, которого и сегодня тепло вспоминают в Казани, хорошо знал Васиного отца.

Одноклассники помнят, как Василий впервые пришёл в школу и серьёзный и сосредоточенный стоял чуть поодаль от

класса, внимательно рассматривая всё, что творилось на торжественной линейке.

Учителя знали, чей он сын. И старательно избегали невзначай выделить Василия, отметив необычность его положения. Достойные, опытные, заслуженные педагоги старой школы (а среди них были и орденосцы вроде знаменитой учительницы географии Веры Николаевны Пономарёвой по прозвищу Глобус) стремились, чтобы он рос нормальным советским мальчиком, сыном, не отвечающим за отца. Чтоб и намёка даже не было на то яблоко, что падает вблизи яблони...

Лев Натанович Пастернак, одноклассник Аксёнова, восемь лет просидевший с ним за одной партией, рассказал, что однажды кто-то обозвал Васю «врагом народа». Тот побелел. Глаза полыхнули яростью. И тут простой, не блиставший умом, но очень сильный Ванька Поляков взял да и набил обидчику морду. Вокруг были дети из «хороших» семей. Они не спешили заступиться за Аксёнова, а сын уборщицы Ванька – бац и решил вопрос в минуту.

Василий издавал в школе журнал «Живоглот». Брал несколько тетрадок, сшивал их и разрисовывал, снабжая рисунки смешными стихами. Журнал пользовался популярностью у школьников. Однажды «Живоглот» попался классной руководительнице, и из учительской ещё долго был слышен смех учителей...

Учился он средне. Был молчалив и сдержан. Руку на уроках не тянул. Но много знал и чудно рассказывал увлекательные истории. Нередко, раскрыв под партией книгу, читал Дюма, Джека Лондона, Жюль Верна, Майн Рида.

Школьные годы чудесные пришлись у Василия на Отечественную войну, когда все или почти все жили одинаково и были похожи и выражением лица, и одеждой, и тем, что отцы были кто на фронте, а кто – в лагерях.

О войне семье сообщил чёрный репродуктор. Испуг был невероятный. Но помноженный на невообразимый душевный подъём. Евгений Михайлович

Котельников, тогда директор городского Дома пионеров и член бюро обкома комсомола, обрив голову, помчался в военкомат записываться добровольцем громить врага на вражьей земле малой кровью, могучим ударом, как в знаменитой песне «Если завтра война».

Перед этим на дворовой терраске был сделан памятный снимок всей семьи. Снимал сосед Котельниковых Моисей Лазаревич Майофис – известный в Казани фотограф. Фотограф щёлкнул, птичка вылетела, снимок был проявлен, напечатан, и Евгений, спрятав в военный билет, взял его с собой на Дальний Восток, где ему надлежало служить на базе подводных лодок. Спустя годы его служба и рассказы навеяли Аксёнову-писателю чудный, но, увы, мало известный рассказ «Голубые морские пушки»...

В 42-м в квартире на Карла Маркса поставили телефон. Он был нужен Матильде, как одному из редакторов республиканского радио. Дети привыкли спать при электрическом свете и её разговорах «по проводу». Хотя нередко тётя-мама проводила в редакции не только дни, но и ночи, дополнительно работая диктором. Заставка её передачи начиналась четверостишием эвакуированного в Казань поэта Льва Ошанина: «Смотри с военного горизонта: колхоз – это тоже участок фронта!».

В эти бессонные редакционные ночи дикторы, что называется, «держали птичку» – служили радиомаяком для ориентировки пилотов, подлетающих в тьме к Казани «держали волну», пуская в эфир записи лёгкой и классической музыки...

Надолго заменивший Василию отца, муж Матильды Евгений Котельников писал из Владивостока: была ли у вас ёлка?

А ёлка была!

Появлялась она благодаря Михаилу Водопьянову. Тому самому легендарному пилоту-полярнику и бомбардировщику – Герою Советского Союза, кавалеру Золотой Звезды № 6.

Однажды он прилетел в Казань в командировку на авиазавод, и Матиль-

да, узнав об этом, пригласила его на передачу в радиокomitee. Так завязалось это приятное и полезное знакомство. В семейном архиве хранится фото лётчика с тёплой подписью: «Товарищу Аксёновой на добрую память».

Роман? Об этом и говорить нечего! Быть может, Водопьянов и был влюблён. Не мудрено: огромные синие глаза Матильды, казалось, жившие своей, отдельной от лица жизнью, нередко погружали мужчин в тревожное оцепенение. При случае она могла и покетничать, но и себя, и своих вероятных поклонников строго держала в границах дозволенного.

* * *

Много лет спустя, уже после того как Василий Павлович оставит наш мир, выйдет в свет удивительно трогательная книга «Ленд-лизовские», обнаруженная сыном писателя Алексеем в электронном архиве Аксёнова. Речь в ней будет о том же: военные годы, голодные, страшные, странные... Будет в ней и история романа тётки Коти и героя-пилота и лихого драматурга Мясопьянова...

Думается, не резон путать милейшую тетю Котю из «Ленд-лизовских» с тётей Мотей из жизни семьи Аксёновых-Котельниковых, а романного генерала Ивана Мясопьянова с упоминаемым здесь реальным Михаилом Водопьяновым. Думается, отнестись к ним следует с учётом пометки, сделанной Василием Павловичем в беседе с Зоей Богуславской в 2001 году: «Ещё ни разу не было, чтобы я кого-то описывал... Вот почему, кстати, я не пишу мемуаров. Уверен, что в процессе воспоминаний на бумаге я всё переверну, перекрою...».

Вот и «Ленд-лизовские» не мемуары. А с редкой виртуозностью перевёрнутые, перекроенные писателем эпизоды многих жизней. В том числе и главного героя – удивительного малыша Акси-Вакси, постигающего мир в голоде, холоде и любви...

Итак, между Матильдой и Михаилом возникла добрая дружба. Водопьянов катал детей на «Виллисе», познакомил её с директорами крупных заводов, имевших подсобные хозяйства, представив не только как журналистку, но и как жену морского офицера, проходящего службу на Дальнем Востоке, у которой на руках огромная семья.

Безмерно уважавшие Героя хозяйственники, у которых и свои дети были, то выделяли детям путёвки в пионерские лагеря, то посылали в дом на Карла Маркса и овощи – картошку, капусту, морковь, лук – по тем временам богато... А к Новому году привозили высоченную, густейшую и пушистейшую ёлку.

Галина Евгеньевна сомневается, была ли такая роскошная ёлка, скажем, в доме у первого секретаря обкома партии...

Ёлка достигала потолка, привязанная для надёжности к оконной раме и к ножке дивана. А будучи украшена чудесными, ещё довоенными игрушками, флажками и разноцветными лампочками, являла зрелище необычайное. Лишь однажды ёлки не было – зимой 43-го. Тогда украсили трёхметровый фикус.

Но обычно бывала – ёлка!

Однажды Галя, вернувшись из школы, увидела красавицу распостёртой на полу во весь гигантский рост – от окна до двери, всю в спутанных гирляндах и битых игрушках. Немедля был найден и виновник катастрофы, тётя Ксения указала на общего любимца – кота Мурзика. И тот понёс жуткую кару, получив шлепок «Пионерской правдой» по хвосту. А потом был обласкан бабушкой, которая с той поры старалась при случае незаметно подкормить его мясом. И Вася с Галей поняли, что кот ни при чём. И страдал безвинно. А новгородную красу случайно сокрушила сама Ксения.

Но она была всемогущей хозяйкой, и взятки с неё были гладки.

После кончины в 1942 году бабушки Дуни Ксения Васильевна мало того что осталась в семье самой старшей. Она была неутомимой, героической труженицей, тянувшей на себе дом.

Да, бессонная Матильда раз в месяц приносила зарплату и гонорары, иногда – продукты, в ночные смены вышивала сорочки для универмага «Люкс». А Ксения что ни день шла на базар. И, стоя по 10 часов на ветру и морозе, продавала доверенные ей вещи эвакуированных – Наташи Промысловой и её подружки Маринки. Тогда слишком часто не отоваривали карточки и люди продавали всё, что было, порой последнее. Как-то Галя увидела даму, предлагавшую старинный веер и удивительные перчатки: длинные, из нежнейшей лайки, с обрезанными пальцами. Кто, когда, по какому случаю их надевал? Кто и зачем купил? Бог весть...

С «торговых операций» Ксения получала комиссию – десять процентов.

Впрочем, сперва ушли на рынок вещи Евгения. Для начала – отличный довоенный фотоаппарат «Лейка». Потом – высокие хромовые сапоги и добротные «партийные» галифе. Следом – роскошный, до пят, кожаный реглан. Дошла очередь и до патефона, а там – и до книг. Настал и черёд вещей Матильды. На вырученные деньги покупались кирпич хлеба, картошка, лук...

А дети сидели на подоконнике и ждали, когда Ксения придёт. И по тому, как передвигает она опухшие ноги, видели, будут ли они ужинать.

– Вот принесла бы Ксения хлебарика, – приговаривал Вася на пацанском аргю, – вот как неплохо было бы хлебарика-то пожевать...

А досыта-то в ту пору не ели. От голода было два средства: сон и чтение.

Как-то, ожидая Ксению, Галя и Вася сидели за столом – читали про приключения... Тут Вася и говорит, указывая на солонку: «Знаешь, если соли капель-

ку положить на кончик языка и не спе-
ша сосать, она станет сладкой»...

Сладкого в ту пору они видели мало. Хотя... как-то в самом начале войны, когда семья никак не могла прикрепиться ни к одному магазину, и продовольственные карточки пропадали втуне, явилась соседка – экспедитор кондитерской фабрики им. Микояна Таскира Галеевна – тётя Тося и, собрав ворох карточек, сказала: «С жирами сделать ничего не могу, а сахар отоварю у себя полуфабрикатом». Вскоре она принесла несколько упакованных в бумагу увесистых комков коричневой, пахучей, тугой, невероятно сладкой мнимошоколадной массы. То-то был праздник... И бывало, паста эта появлялась вновь и вновь.

А бывало – ничего не было, кроме подсолнечного масла, хлеба и лука. Так Ксения жарила лук на огромной крестьянской сковородке и тащила на стол, где ждали Галя, Саша, Майя, Вася и бабушка Евдокия. Они клали жареный лук на чёрный хлеб. Было необыкновенно вкусно.

Но так или иначе, обед в доме был каждый день. Нередко и из трёх блюд!

В те военные годы если карточки отоваривали, то часто замещали один товар другим: вместо макарон – жиры, вместо жиров – повидло... Галя Котельникова помнит, как однажды получили таз льняного масла – густого, комками, похожего на засахаренный мёд. Часть его потом обменяли на хлеб...

Обмены эти и продажи хлеба были незаконны и опасны. Милиция рьяно ловила торговцев. Их судили. Как-то в беду попал знакомый студент-медик, получивший на разгрузке вагонов буханку и решивший её продать, чтоб на вырученные деньги купить нужный до зарезу учебник (слава богу, парня отпустили). В другой раз продавец завёл покупательницу в общественный туалет. И продал ей хлеб. Но достал его из... ширинки... Женщина, обомлев, пришла в слезах: не знала, можно ли есть. Что, если мужик больной?

– Не переживай, – успокоила Ксения, – обожги его на огне, да и ешьте...

Нередко десятилетнего Васю ставили бригадиром в очереди. Такой уж серьёзный был у отрока вид.

Бригадир отмечал тех, кто отлучался – присмотреть за детьми или по другому неотложному делу... А очереди за хлебом в магазин № 50 на углу улицы Гоголя – наискосок от Лядского садика – были огромные.

Их разбивали на «бригады», по 20–25 человек. Номера писали на ладони химическим карандашом. Бригадир всех переписывал, вёл переключку, следя, чтобы все ушедшие возвращались в срок. И чтоб чужие не лезли. Замены не допускались. Впрочем, бывало, и сам «бригадир» сбегал погреться, ставя вместо себя Галку...

А у очереди толпились те, у кого не было карточек. Они вымаливали у отоваренных довесочки – кусочки еды, добавленные к общей массе товара, чтоб вес сошёлся с нормой. Кто-то пристроил к делу большого рыжего пса, что стоял вблизи входа в хлебный магазин с протянутой лапой. Говорят, ему немало подавали. А потом отравили. Конкуренты.

* * *

Нет, Аксёновы-Котельниковы не ели, как иные соседи, синеватые оладьи из картофельной шелухи, что жарились на сковородках, смазанных сальной свечкой. Но и Василий Павлович, и племянники, вспоминая те годы, соглашаются: от дистрофии, а то и от смерти их спасли самоотверженность Ксении Васильевны, Матильды Андреевны и ленд-лизовские тушёнка, сало и яичный порошок.

Но старшего брата Алексея – сына Евгении Гинзбург от первого брака, отправленного к отцу в Ленинград, а потом вывезенного из блокады, спасти не удалось. Измученный голодом, он умер по дороге в Казань от трофической дистрофии.

Шёл 1944 год. Евгения Гинзбург узнала о смерти сына на Колыме – из телеграммы матери: «Переживи. Сохра-

ни себя ради Васи, ведь отца у него тоже нет» (тогда почти все считали, что Павел Васильевич погиб). Галина Котельникова уверяет: если бы Алексей добрался до Казани и оставался хотя бы малейший шанс, и его, конечно, выходили бы...

А пока из лагерного ужаса и тоски приходят письма от мамы. Василий отвечает кратко: «У меня всё хорошо, как у тебя?». Нить, соединяющая мать и сына, превращённого в сироту при живых родителях, длится, не рвётся... Переписываются с Евгенией Соломоновной и тётки – Ксения и Матильда. И их письма говорят ей о жизни сына куда больше, чем его депеши. И мама знает: в Казани для Васи делают всё, что могут, но сладить с ним совсем не просто...

Выдержка, упорство и удивительная доброта Ксении – измученной женщины с необычайно голубыми глазами были примером и для соседей, и для подселённых эвакуированных, и для её родных и детей.

Вася потом вспоминал: он стоит в корыте, а Ксения трёт его немислимо грязную ногу мочалкой. Потом отстраняется, как бы любуясь, и говорит: «Ну, вот сравни теперь ту и эту, какая же лучше?» И оба смеются.

Но чтоб устроить эту домашнюю баню, Ксении приходилось рубить сырые, сучковатые дрова. И дети, слыша её натужные вздохи, отчего-то стыдились, и по одному таскали к печке заскорюзлые поленья...

Некогда привычные жителям дома комфортабельные душ, ванна и канализация к тому времени были отключены, а канализационный колодец вообще засыпан битым кирпичом. Всё – усердием калеки-управдома, хлебнувшего на фронте лиха и не умевшего взять в толк, как это так: тыщи людей гниют в землянках, а этим «цацам» тёплый сортир подавай...

Впрочем, не прошло и двух лет, как подросток Василий уже сам рубил по дворам дрова, зарабатывая рубль-другой.

Занялись они этим ремеслом вместе с уже знакомым нам Лёвкой Пастернаком – одноклассником и однопартийником – ну, то есть с Абкой Циперсоном из рассказа «Завтраки 1943 года» (1962 г.)...

Сдружили их книги. Отец Льва – известный в Казани врач, как и Котельниковы, имел приличную библиотеку, и когда на Карла Маркса всё было трижды перечитано, племянники стали брать книги в библиотеке радиокомитета, в школе и у товарищей. Лёвка не отказывал никогда...

Книги книгами, а улица – улицей. Василий тогда щеголял в кирзовых сапогах, а книги и тетради носил в полевой сумке. Гордился – эти вещи делали его похожим отчасти на офицера, а отчасти – на дворового удальца...

Репрессии миновали семью Пастернаков, но жили они, как и все, очень скромно. Случалось, чтобы заработать на маленькие радости, Лев брал ваксу, щётку, бархотку и отправлялся на улицу чистить обувь, а Вася стоял рядом, нахваливая его работу, – делал приятелю рекламу.

Порой, спрятав портфели, они «солили» уроки, отправляясь в кино «Электро» на улице Баумана, где работала микшером знакомая Лёвиной мамы Цецилии тётя Фира, пускавшая их на сеансы без билетов. Они пересмотрели всё. Очень уважали картину про Беломорканал, куда детей не пускали, чтоб не любовались на блатные нравы. Но тётя Фира работала не каждый день. А в кино хотелось. А денег не было.

Как-то Лёвка предложил: давай попросим у прохожих. Вася возмутился: «Ты что, с ума сошёл – попрошайничать?». Их услышал какой-то военный и дал три рубля. Три рубля! Роскошь, богатство, сокровище Монте-Кристо!.. Их хватило не только на кино, но и на мороженое в «Особторге», где всё стоило в десять раз дороже.

Тётя Ксения не любила Лёвку Пастернака... Вечно он выдумывал всякие

каверзы. То школу прогулять, то в футбол играть вместо домашней работы, то на реку податься... А после недели прогулов принести в школу подделанную записку якобы от тёти Матильды: болел, мол, Аксёнов Василий, лежал с температурой.

– Ты, Васька, в большую беду можешь вляпаться! – предупреждала племянника Ксения. И после очередной беседы с классной руководительницей начинала буквально провожать Василия в школу. Он как мог противился опеке, но не тут-то было – тётя Ксения и Матильда Андреевна стояли на своём: помни про школу! Только с ней станешь человеком! «Как ты встретишь отца и мать своих? – вопрошали они. – Как в глаза им посмотришь? Короче, так: или сам будешь в школу ходить, или станем водить тебя на верёвке, как упрямого бычка!»

Можно, конечно, представить себе, что за буря бушевала в душе подростка, не лишённого свободолюбия, своенравия и упрямства.

Вот это своенравие и пугало его родных. Время было тревожное. Страна отходила от войны. Казань кишела шпаной. И мысль о том, что Василий свяжется с дурной компанией, повергала близких в ужас.

А когда Васька и Лёвка загремели в милицию – ужас перерос в панику...

Как-то Лев раздобыл контрамарки в цирк и предложил по-быстрому продать их, типа загоним билетики – и в киношку.

Тут надо сказать, что все близкие Василия Павловича говорят о нём как о человеке абсолютно не деловом. Ему, объясняют, и в голову не пришла бы такая затея. Однако ж, как видим, и в том, чтоб рубль-другой наварить вместе с товарищем, он ничего дурного не видел. Ну, стало быть, и вышло с ним в точности то, что происходит в назидательных фильмах с «неделовыми» пареньками из приличных семей, связавшимися с дурной компанией: не успели Васька и Лёвка продать и пары билетов, как их «почикала ментура». Почи-

кала, но отпустила – со шпаной не могли управиться, а тут интеллигенты...

Были у Василия и другие приятели: Борька Майофис, Рустем Кутуй, Серёга Холмский, Славка Ульрих, братья Яковлевы. И тот самый «рыжий с того двора» – Толик Егоров, что мог целыми днями сидеть на одной из старых дворовых лип, воображая себя матросом фрегата Дюмон-Дюрвиля, а вмазав хоккейным мячиком в щёку игравшей в лапту девочке Асе (на самом деле Эсе, Эсмиральде Кутуевой – дочери писателя Аделя Кутуя), послать ей записку: «Аська, я тебе вlepил потому, что нечего задирать ноги. Ты пионерка, и тебе это не к лицу, крошка Мэри. Завтра буду весь день в овраге, в парке ТПИ, вход с Подлужной. Если тебе больно, можешь мне вlepить там чем хочешь, даже кирпичом. Май 1744. Борт «Астролябии»».

Ох и резвились же они... Случалось, и бились. И не только в игре – короткими мечами или всерьёз кулаками, но случалось и тот самый кирпич прихватывать. А как же: «Мы спина к спине у мачты против тысячи – вдвоём!» И небеса над Казанью, доживавшей последний военный год, обещали им огромную и полную приключений жизнь, большие путешествия, дальнюю любовь и Полинезию... Впрочем, обо всём этом и многом другом блистательно рассказано в новелле «Рыжий с того двора» (1967 г.)...

А тогда, в 44-м, родным и близким скучать не приходилось. Как-то прибегает соседский мальчишка, кричит: «Тётя Ксения, там Вася с горки ледяной скатился стоя, упал и не двигается». Ксения метнулась к горе... Сотрясение мозга.

Несколько дней Вася лежал отгороженный кумачовой занавеской, чтоб не тревожил яркий свет... Все ходили на цыпочках. Тихо трещал телефон, обложенный подушками...

Вскоре он начал писать – первые свои «безобразные поэмы», о чём спустя годы расскажет Ксении Лариной в интервью на «Эхе Москвы»: «Меня

очень почему-то занимали бои в полярных морях, когда там шли караваны с ленд-лизом к советским берегам. Везли нам помощь. А половина из них ведь погибла... И я вдруг стал писать длинные-длинные поэмы про какие-то подводные лодки...

Ларина: В стихах?

Аксёнов: В стихах. Про битвы... И русские, и американцы, и англичане там были, и немцы. Длиннейшие какие-то и безобразные поэмы я писал тогда...

Ларина: Не сохранили?

Аксёнов (*смеётся*): Нет, к сожалению не сохранил».

Кроме поэм, северным конвоям были посвящены и многочисленные рисунки. Аксёнов рисовал карандашом (хотя в доме всегда были краски) и, рисуя, комментировал изображения, на которых британские, американские и советские моряки отражали то налёты германской авиации, то атаки хищных подводных лодок... А то принимался за петровские времена. В тучах пушечного дыма выплывали к мысу Гангут барки и фрегаты, а по полям скакали русские драгуны и шведские кирасиры, сшибались в пороховых клубах, из которых торчали жадные до крови багинеты... Горел восток зарёю новой, сдавался пылкий Шлиппенбах...

Героические конвои союзников не были для Василия чем-то отвлечённым. Он на всю жизнь запомнил питательный американский напиток «Суфле», джинсы, что именовались «чёртовой кожей» и канадские ботинки с гербом на подошве, до того красивые, что их было страшно носить... Тогда же у будущего писателя возникло уважение к синим джутовым брючатам – как-то, перелезая через забор, он зацепился за гвоздь и повис. А штаны – выдержали.

Надо сказать, что качество джинсов с тех пор заметно ухудшилось... Впрочем, выдержав вес худенького мальчишки, те штаны довольно быстро протёрлись и упорно латались на задку и коленках.

Но заплат тогда не стыдился никто. Саша Котельников уже после войны пришёл на выпускной вечер в брюках залатанных, но отглаженных до сабельной остроты...

* * *

День, когда закончилась война, и что этот день значил в жизни Аксёнова и его семьи, чудесно описан в рассказе «На площади за рекой», где удивительно соседствуют и огромный слон, которого под звуки фанфар водит по улицам великолепный в своём гусарском костюме дрессировщик Дуров... И поныне памятный многим безымянный подполковник, купивший по коммерческой цене тележку мороженого и, хохоча, раздавший его детворе... И никем тогда (кроме будущего писателя Аксёнова) не замеченный странный и страшный человек в чёрном пальто и новых галошках, бормочущий: «Чучеро ру хиопластр обракодеро! Фучи, мелази, рикатуэр!..» – прообраз будущей «Стальной птицы»...

В эти несколько месяцев весны-лета-осени 1945 года миновало увлечение арктическими конвоями и петровскими батальями. И Василий, как он вспоминал, «стал писать романтические стихи, посвящённые девушкам из параллельных классов». Кто были они и чем увлекали юного поэта – неизвестно, однако известно, что одно время очень ему нравилась барышня по фамилии Пойзман... по имени, кажется, Мила... И Василий Павлович, надев парадную чёрную куртку и расправив ворот рубахи апаш, мчался к ней на свидания...

6

А Матильду однажды вызвал на свидание директор радиокомитета Губайдуллин. И спросил: а как живётся у вас сыну Аксёнова – Василию? Так же, как и вашим детям? Хорошо... Но, может быть, вам тяжело ташить такую большую семью?.. И пора отдать

парня в ремесленное училище? Там и кормят, и одевают, и жильё, там он получит профессию, да и вам полегче станет, разве нет? Всё равно при такой анкете в будущем его не ждёт ничего кроме завода. Это – в лучшем случае...

– Нет, – сказала Матильда, – я его туда не отдам. Вася получит аттестат. И я сделаю всё, чтоб он закончил университет.

Но Богу было угодно, чтобы школу Василий окончил не в Казани, а там, где жила его отпущенная из заключе-

ния мать, – в Магадане. Долгие месяцы её упорных стараний вызвать сына к себе увенчались успехом.

И вот он уезжает в неизвестность. Тщательно собранный в дальний путь – снабжённый великолепной дохой, добытой по знакомству в том самом универмаге «Люкс», где торговали искусно вышитыми Матильдой сорочками...

Он едет к матери, которой не видел десять лет и которую едва помнил.

В его жизни предстоял крутой вираж – на перекрёстке с крутым маршрутом Евгении Гинзбург.

